

ПОЪЗДКА ВЪ РИМЪ.

I. Побужденіе и планъ поѣздки. Погода въ Римѣ и на пути къ нему. Обстановка квартиры. Первое впечатлѣніе при приѣздѣ въ Римъ. Воспоминаніе о впечатлѣніи Венеціи. Внѣшній видъ Рима и его памятники всѣхъ вѣковъ. Мавзолей Адриана, Forum Romanum, Палатинскій холмъ, Колизей, Катакомбы, Колонна М. Аврелія, Тарпейская скала, Пантеопъ и др. Уличная жизнь Рима; ея праздничное настроеніе. Любимыя мѣста прогулокъ. Корсо. Видъ на Римъ съ площадки S. Pietro in Montorio. Прогулка по Monte Pincio и виды съ него. Вилла Боргезе. Темпераментъ итальянца. Шумъ и толкотня въ Римѣ. Нѣсколько словъ о чистотѣ римскихъ улицъ и воспоминаніе о порядкахъ Неаполя. Иностранцы въ Римѣ. Отношеніе къ нимъ мѣстнаго населенія. Римскіе магазивы. Извозчики въ Римѣ, Неаполѣ и Тиволи. Уличные мелочные торговцы. Къ характеристикѣ англичанъ. Патеры, монахи, монахини, семинаристы, кардиналы и епископы на улицахъ Рима.

При научныхъ занятіяхъ западными христіанскими вѣроисповѣданіями вниманіе очень часто привлекается къ Риму. Какъ въ древности говорили, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ, такъ теперь, при изученіи историческихъ судебъ христіанскаго запада, можно, пожалуй, сказать, что всѣ дороги ведутъ изъ Рима, т. е. въ немъ приходится искать ключъ къ разумнѣю почти всѣхъ выдающихся явленій религіозной исторіи западной Европы. Понятно, что меня, не мало лѣтъ занимающагося западными исповѣданіями, давно уже тянуло побывать въ папской столицѣ и непосредственно познакомиться съ этимъ знаменитымъ и могучимъ средоточіемъ католическаго міра. Конечно, чтобы изучить папскій Римъ, его духъ и жизнь съ надлежащею полнотою и основательностію, нужно проникнуть въ его многочисленныя церковно-правительственныя, научныя, миссіонерскія, учебно-

воспитательныя и др. учрежденія, изслѣдовать постановку, средства и характеръ ихъ дѣятельности; нужно вступить въ личныя знакомства и бесѣды со всѣми выдающимися представителями католической іерархіи и богословской науки и т. п.; нужно, однимъ словомъ, провести въ Римѣ и посвятить его изученію по крайней мѣрѣ годъ, если даже не годы. Такимъ количествомъ свободнаго времени я не располагалъ и такими широкими планами не задавался. Въ моемъ распоряженіи на этотъ разъ могло быть лишь нѣсколько недѣль, а потому только въ такихъ предѣлахъ я и рѣшилъ познакомиться съ религіозною жизнью католическаго Рима, насколько она доступна взору сторонняго наблюдателя.

Надъ вопросомъ о томъ, когда лучше устроить свою поѣздку, долго думать не приходилось. Нужно было выбрать, конечно, такое время, когда религіозная жизнь проявляется съ особенною силой и въ наиболѣе замѣтныхъ обнаруженіяхъ, а этимъ временемъ въ римско-католической церкви, какъ и въ нашей православной, служить, безъ сомнѣнія, конецъ великаго поста и праздникъ пасхи. Календарныя условія настоящаго года вполне благопріятствовали моимъ намѣреніямъ такъ какъ римская пасха приходилась ровно на недѣлю ранѣе нашей и потому я имѣлъ возможность всѣ наши пасхальныя каникулы ввести въ предѣлы своей поѣздки. Правда, въ этомъ времени могло быть и нѣкоторое неудобство. Извѣстно, что именно страстная и пасхальная недѣли всегда привлекаютъ въ Римъ громадное количество богомольцевъ и туристовъ не только изъ Италіи и ближайшихъ сосѣднихъ странъ, но и со всѣхъ концовъ католическаго міра, при чемъ текущій годъ, въ качествѣ юбилейнаго, естественно долженъ былъ еще болѣе усилить этотъ обычный приливъ. Можно было опасаться, что трудно будетъ найти въ Римѣ подходящее помѣщеніе, или придется платить за все страшныя цѣны, что, при нашихъ скромныхъ бюджетахъ, не особенно пріятно, тѣмъ болѣе, когда поѣздка предпринимается безъ ходатайства о казенной командировкѣ, а на свои личныя средства. Газеты уже начали пугать, что наплывъ пріѣзжихъ ожидается въ Римѣ громадный и содержатели отелей и меблированныхъ комнатъ будто-бы уже предвкушаютъ наслажденіе своихъ буду-

щихъ барышей. Чтобы не стать въ затруднительное положеніе и не очутиться беспильною жертвою какого-нибудь ловкаго потомка почитателей Меркурія, я заблаговременно обратился съ просьбою о совѣтахъ и содѣйствіи къ знакомымъ соотечественникамъ, постоянно пребывающимъ въ Римѣ, и благодаря ихъ любезности путешествіе мое состоялось и устроилось наилучшимъ образомъ. Еще на пути въ Римъ, во Флоренціи, я уже получилъ пріятную вѣсть, что квартира нанята для меня на цѣлый мѣсяць, такъ что тотчасъ по пріѣздѣ я могъ спокойно и безъ всякихъ затрудненій расположиться въ готовомъ пріютѣ. Намѣтивъ себѣ маршрутъ съ небольшими остановками въ Вѣнѣ, Венеціи и Флоренціи, а на возвратномъ пути въ Миланъ и Люцернъ, мы, вдвоемъ съ дочерью, 17-го марта выѣхали изъ Москвы, 24-го, т. е. въ пятницу предъ католическимъ вербнымъ воскресеніемъ, были въ Римѣ, а 26-го апрѣля уже возвратились домою.

Встрѣтилъ насъ Римъ не весело. Раннее утро высматривало безнадежно—мрачно, сѣрыя тучи нависли надъ городомъ и мелкій, совсѣмъ осенній, дождь стучалъ по стекламъ нашей извозничьей кареты, когда она везла насъ съ вокзала на пьядца Никозія—мѣсто нашего предстоящаго пребыванія. Къ счастью, неастье не обидѣло насъ, дождливыхъ выпало лишь два—три дня и за все время своего путешествія мы наслаждались прекрасною лѣтнею погодой, совсѣмъ непривычной для насъ въ мартѣ и апрѣлѣ. Особенной жары, правда, не было и слишкомъ легкіе костюмы, захваченные на всякій случай въ расчетъ на знойный югъ, остались безъ употребленія, но за то ни разу не пришлось пожалѣть и о томъ, что драповое пальто осталось въ Россіи. Немножко страшно было выѣзжать на лѣтнемъ положеніи, когда у насъ повсюду разстилалась еще сплошная пелена снѣга и не видно было ни одной проталинки. На бѣду и за границей происходило на этотъ разъ нѣчто необычайное. До самой Вѣны повозъ мчался между безконечными полями снѣга, а въ Вѣнѣ наканунѣ нашего пріѣзда была такая страшная метель, что на улицахъ нанесло сугробы въ полтора аршина и на нѣсколько часовъ прекратилось всякое движеніе. Когда мы пріѣхали, солнце сіяло и грѣло совсѣмъ по лѣтнему, но городъ представлялъ очень

странный видъ, такъ какъ громадныя кучи собраннаго снѣга тянулись по вѣтмъ улицамъ, а съ крышъ струились такіе сильные и непрерывные потоки, что трудно было спастись отъ нихъ даже и съ зонтомъ. Казалось, что при такой обстановкѣ мы будемъ нѣсколько смѣшны въ своихъ лѣтнихъ костюмахъ; но вѣнцы перещеголяли и насъ въ своемъ презрѣніи къ стихіямъ, гуляя по Рингу, покрытому лужами, даже и безъ тѣхъ резиновыхъ галошъ, которыми въ настоящемъ случаѣ мы имѣли полное право гордиться. Иностранцы съ нѣкоторою насмѣшкой говорятъ, что русскаго можно узнать за границей прежде всего по его резиновымъ галошамъ; но мнѣ думается, что при тѣхъ лужахъ, по которымъ приходилось шагать, вѣнцамъ было не до смѣха и навѣрное не безъ зависти посматривали они на насъ, когда мы важно шествовали въ сознаниіи своего резинового превосходства. Та-же резина и нѣсколько дней спустя привлекла на насъ всеобщее вниманіе. Во Флоренціи часа два пришлось намъ странствовать подъ порядочнымъ дождемъ. Дочь моя надѣла резиновый плащъ и укрылась имъ съ головою. Нужно было видѣть, какой необычайный эффектъ произвело появленіе такой особы на улицахъ Тосканской столицы: встрѣчные прохожіе въ изумленіи останавливались, изъ слѣпно-растворяемыхъ оконъ высовывались фигуры любопытствующихъ, повсюду слышался громкій обмѣнъ мнѣній и нужно замѣтить въ большинствѣ случаевъ сочувственный, а нѣкоторые изъ наиболѣе любознательныхъ даже возвращались назадъ, чтобы получше рассмотреть интересную новинку. Странно, что въ Италіи, гдѣ дожди льютъ иногда непрерывно по цѣлымъ мѣсяцамъ, такая простая и практичная вещь, какъ резиновый плащъ, оказывается вдругъ совсѣмъ невиданнымъ чудомъ! Долго еще изъ оконъ вагоновъ пришлось намъ любоваться и постѣ Вѣны снѣжными видами и только спустившись уже въ ломбардскую равнину совсѣмъ успокоились мы за свои лѣтніе костюмы.

Всякіе страхи какихъ-либо житейскихъ затрудненій и дороговизны въ Римѣ, для насъ по крайней мѣрѣ, оказались совершенно напрасными. Правда, въ послѣдствіи отъ нѣкоторыхъ случайныхъ знакомыхъ пришлось услышать, что они съ величайшимъ трудомъ могли найти себѣ помѣщеніе и платили за одну меблированную комнату по 15 и даже по

22 лиры (35 коп.) въ сутки; но насъ наши добрые знакомые устроили прекрасно. Въ нашемъ распоряженіи оказалась очень миленькая квартирка, минутахъ въ трехъ ходьбы отъ Корсо, состоящая изъ трехъ комнатъ съ окнами на площадь и переулочъ и притомъ съ лѣстницей только въ 47 ступеней, что по западно-европейскимъ порядкамъ, при тамошнихъ пяти и шести этажныхъ домахъ, можно было признать совсѣмъ роскошью. Эстетическія наклонности итальянцевъ пріятно давали себя чувствовать въ обстановкѣ нашей квартиры. вмѣсто столь обычнаго убожества русскихъ меблированныхъ комнатъ, здѣсь были изящно разрисованные потолки, красивый мозанческій полъ, съ коврами, обильная и хорошая мебель, мягкая и вѣнская, мраморной мозанки столы, подзеркальнички и этажерки, переполненные всякими бездѣлушками, драпировки и портьеры, множество зеркалъ и картинъ, вазы и раковины, массивные бронзовые часы подъ стекляннымъ колпакомъ, канделябры и какіе то шелковые платки съ бахромою, живописно раскинутые причудливыми вѣрами. За все это удовольствіе мнѣ пришлось заплатить только 80 лиръ въ мѣсяць, при чемъ мы пользовались и прислугой, и постелью, и полотенцами, и лампой, и свѣчами и каждое утро получали горячую воду съ сервизомъ для чая. Всѣ эти удобства, да еще въ бойкое время усиленнаго наплыва пріѣзжихъ, въ Россіи за такую цѣну, т. е. за 28 рублей въ мѣсяць, едва-ли получишь.

Ну, вотъ мы и въ Римѣ. Проѣзжая въ первый разъ по его улицамъ, я испытывалъ какое-то странное впечатлѣніе, близкое къ разочарованію. Начитавшись и настывавшись о достопримѣчательностяхъ вѣчнаго города, невольно ожидаешь тотчасъ-же встрѣтить что-либо совсѣмъ необыкновенное. Такъ и кажется, что отовсюду должны смотрѣть на тебя величественные дворцы Тиверіевъ и Калигулъ, что поѣдешь непременно мимо какихъ нибудь колоннъ и триумфальныхъ арокъ Траяновъ и Константиновъ, станешь взбираться на знаменитые холмы Палатина или Капитолія и все наконецъ предъ твоимъ взоромъ затмится и будетъ подавлено необычайными громадами Колизея или храма Св. Петра. Ожидаешь однимъ словомъ, что стоитъ лишь ступить на землю Рима, чтобы очутиться въ совсѣмъ особомъ мірѣ, чтобы повѣяло на тебя и тотчасъ-же охватило духомъ классической

древности или средневѣковаго папства. И вдругъ, самый обыкновенный извозчикъ, какъ въ Берлинѣ или Вѣнѣ, пощелкивая бичемъ, везетъ тебя самыми обыкновенными улицами, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянутся не представляющіе рѣшительно ничего оригинальнаго многоэтажные дома, мелькаютъ безчисленныя вывѣски и витрины магазиновъ, переполненныя всевозможными продуктами европейской культуры, спѣшатъ и толкаются толпы прохожихъ, звонятъ и гремятъ вагоны электрическаго трамвая, снуютъ громогласныя разносчики газетъ, видится и слышится вообще самая обычная жизнь современнаго западно-европейскаго города. Ни классической древностію ни средневѣковьяемъ, какъ говорится, совсѣмъ даже и не пахнетъ. По первому внѣшнему впечатлѣнію Римъ—это хорошій, но заурядный европейскій городъ, не поражающій прїѣзжаго какою-либо, бьющею въ глаза, оригинальнію. За нѣсколько дней предъ тѣмъ былъ я въ Венеціи. Вотъ гдѣ дѣйствительно путешественникъ тотчасъ-же чувствуетъ себя въ какомъ-то совсѣмъ особенномъ мірѣ. Улицы безъ тротуаровъ потому что во всемъ городѣ не встрѣтишь ни одного экипажа и ни единой лошади. Большая часть этихъ улицъ до такой степени узки, что, пробираясь по нимъ между рядами магазиновъ и ресторановъ, легко вообразить себя въ какомъ-нибудь пассажѣ или торговыхъ рядахъ. За отсутствіемъ ѣзды повсюду царитъ тишина, совсѣмъ удивительная для большаго города. На набережной, противъ оконъ отелей, толпа какихъ-то странствующихъ артистовъ въ большихъ широкополыхъ шляпахъ и живописно заброшенныхъ черезъ плечо плащахъ стройно распѣваетъ національныя пѣсни и всѣмъ знакомые хоры изъ оперъ. Въмѣсто извозчиковъ пристають къ прохожимъ субъекты въ матросскихъ костюмахъ съ криками: „гондоля! гондоля!“, а когда усядешься въ этотъ, почему-то непременно траурный, экипажъ и плывешь по „canale grande“, съ обѣихъ сторонъ смотрятся прямо въ воду старинныя, мрачныя, но часто весьма живописныя, дворцы, повѣсть о которыхъ неумолчно льется изъ устъ словоохотливаго гондольера. Красиво стоитъ онъ на кормѣ гондолы, привычными сильными движеніями ловко управляется съ своимъ длиннымъ весломъ и, показывая то на право, то на лѣво, съ какою-то грустною гордостью рассказываетъ вамъ

о былой славѣ своего роднаго города. Ёдешь по этой необыкновенной улицѣ, прислушиваешься къ музыкальнымъ переливамъ красной итальянской рѣчи своего случайнаго путеводителя, любишься, какъ волны канала плещутся прямо въ стѣну или въ каменные ступени какого-либо обветшавшаго палаццо и невольно чувствуешь себя гдѣ-то далеко, за предѣлами нашей обычной обстановки.—Римъ подобнаго впечатлѣнія мнѣ не далъ. Конечно, и въ немъ весьма много оригинальнаго, но оно разбросано по частямъ и потому совсѣмъ не бьетъ такъ въ глаза, какъ напр. въ Венеціи. Нужно нѣкоторое время пожить въ Римѣ и близко рассмотреть его, чтобы познаться съ его особенностями.—На внѣшности Рима отражается вся его многовѣковая исторія, а потому въ немъ царитъ удивительное смѣшеніе классической древности съ священнымъ городомъ папъ и съ современной столицей объединенной Италіи. Памятники всѣхъ вѣковъ калейдоскопомъ быстро смѣняются здѣсь предъ взоромъ наблюдателя, перебрасывая мысль его отъ древняго язычества къ судьбамъ Италіи девятнадцатаго столѣтія, отъ подвиговъ Св. апостоловъ и мучениковъ къ дѣяніямъ и злодѣяніямъ римскихъ цезарей, къ исторіи владѣтельныхъ итальянскихъ фамилій, къ проявленіямъ силы и величія папства или къ художественнымъ сокровищамъ эпохи возрожденія. Гдѣ бы вы ни ѣхали, куда бы ни вошли, вездѣ васъ невольно захватываетъ это необычайное разнообразіе мыслей и впечатлѣній. Мчитъ васъ напр. электрическая сила по великолѣпному „Corso Vittorio Emanuele“ и самое названіе этой улицы, и прямой, широкій, красивый видъ ея, и новая архитектура обрамляющихъ ее многоэтажныхъ зданій, и зеркальныя окна роскошныхъ магазиновъ,— все невольно заставляетъ васъ думать, что вы въ богатомъ, современномъ европейскомъ городѣ; но одинъ только поворотъ вагона и предъ вами возвышается превращенный въ крѣпость величавый мавзолей Адріана, вмѣщавшій въ себѣ останки римскихъ императоровъ втораго и третьяго вѣка; ведетъ къ нему мостъ, украшенный десятью колоссальными статуями ангеловъ работы Бернини, переносящій так. обр. мысль вашу къ семнадцатому вѣку, а стоитъ лишь съ этого моста бросить взоръ налѣво, чтобы увидѣть куполь собора Св. Петра и громады ватикана, тотчасъ-же вспомнивъ, ке-

нечно, о созданномъ надъ гробницей первоверховнаго апостола мощномъ зданіи папства и о нынѣшнемъ ватиканскомъ узникѣ.—Среди шумнаго города, между оживленныхъ торговыхъ улицъ, кипащихъ пѣшеходами, экипажами и вагонами трамвая, когда ничто, кажется, не напоминаетъ вамъ о древности, вдругъ совершенно неожиданно открывается предъ вашимъ взоромъ обширная ложбина, созданная раскопками многихъ лѣтъ. На пространствѣ цѣлой десятины здѣсь громоздятся однѣ лишь развалины, въ видѣ колоннъ и триумфальныхъ арокъ, остатковъ храмовъ, дворцовъ и общественныхъ зданій. Это знаменитый „forum Romanum“,—мѣсто, гдѣ въ теченіи многихъ вѣковъ, можно сказать, бился пульсъ исторической жизни всего міра. Отсюда царственный нѣкогда городъ, его сенатъ и императоры, возвѣщали свою волю и управляли народами вселенной. Многие вѣка смотрятъ на васъ изъ этихъ развалинъ. Тутъ остатки храмовъ Весты и Сатурна, заставляющіе васъ вспомнить о Нумѣ-Помпильи или о начальныхъ временахъ республики. Тутъ развалины трибуны (rostra), съ которой древне-римскіе политическіе ораторы держали свои рѣчи къ народу. Тутъ триумфальныя арки Тита, Септимія Севера и Константина, колонна Фоки,—памятники, переносящіе мысль вашу къ побѣдамъ и дѣяніямъ императоровъ то 1-го, то 3-го, то 4-го, то 7-го вѣка христіанской эры. Вдоль почти всего форума тянется палатинскій холмъ, наполненный еще болѣе величественными развалинами нѣкогда грандіозныхъ и славныхъ императорскихъ дворцовъ Августа, Тиверія, Нерона и т. п. а въ другой сторонѣ высится громада колизея, приводящая зрителя въ благоговѣйный трепетъ подъ наливомъ суровыхъ воспоминаній о тѣхъ обильныхъ потокахъ христіанской крови, которые безпощадно лились здѣсь на потѣху ожесточеннаго, но уже изнемогавшаго язычества. Мертво тутъ теперь и безлюдно. Вся эта масса громоздящихся другъ надъ другомъ развалинъ представляетъ собою теперь лишь какой-то мрачный, безжизненный оазисъ, а вокругъ него ключемъ бьетъ и волнуется шумная жизнь современнаго города и прямо противъ какого-либо палатинскаго педагогіума дымить высокая труба газоваго завода.—Захотите-ли вы устремиться въ противоположный конецъ города и тамъ васъ встрѣчаетъ то-же непрерывное смѣшеніе вѣковъ и событій. Красивая

улица „venti Settembre“ напр.; съ ея громаднѣмъ дворцомъ министерства финансовъ, самымъ названіемъ своимъ заставляетъ васъ вспомнить о томъ днѣ, когда побѣдоносныя войска Италіи въ 1870 году, вступили въ свою, отвоеванную у папства, столицу. Мраморныя доски, водруженныя въ двухъ мѣстахъ на этомъ пути, говорятъ вамъ то о пребываніи здѣсь Гарибальди, то объ именахъ тѣхъ воиновъ, которые пали за объединеніе своего отечества. Но ворота, взятые тогда войсками Италіи, называются „porta Pia“, такъ какъ ихъ сооруженіе начато папою Піемъ IV въ 1559 году, по рисункамъ Микель-Анджело, а реставрировалъ ихъ въ 1851 г. тотъ самый Піи IX-й, которому, послѣ взятія „porta Pia“, пришлось проститься съ короной свѣтскаго государя и превратиться въ ватиканскаго узника. Великолѣпныя виллы, виднѣющіяся по этому пути, напоминаютъ вамъ о славныхъ въ свое время итальянскихъ фамиліяхъ Патричи, Торлонія, Малатеста; а затѣмъ вы уже входите въ старинную базилику Свят. Агнесы, основанную императоромъ Константиномъ, и чрезъ нѣсколько минутъ, предшествуемые патеромъ-кустомъ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ двигаетесь по узкимъ корридорамъ катакомбъ, благоговѣнно созерцая мѣста погребенія древнихъ христіанъ, символическія изображенія и надписи, маленькіе глиняные сосуды, въ которыхъ вѣрующіе собирали кровь святыхъ мучениковъ, и свѣтильники, при скудномъ свѣтѣ которыхъ возносились здѣсь нѣкогда къ Богу богатая вѣрой и религіознымъ чувствомъ молитва. И такъ въ Римѣ на каждомъ шагу: памятники разныхъ отдаленныхъ эпохъ стоятъ другъ подлѣ друга и быстро смѣняютъ одинъ другаго предъ взоромъ наблюдателя, часто на одномъ и томъ-же мѣстѣ, даже въ одномъ и томъ-же зданіи. Рядомъ съ палатой парламента, гдѣ ораторствуютъ какіе нибудь Криспи или Висконти, и прямо противъ великолѣпнаго отеля „di Milano“ возвышается древняя колонна, въздвигнутая въ честь Марка Аврелія и вся испещренная барельефами, свидѣтельствующими о побѣдахъ этого императора надъ Маркоманами и другими племенами германскаго варварства, а на вершинѣ колонны, вмѣсто прежней статуи цезаря-язычника, уже съ шестнадцатаго вѣка красуется бронзовая фигура Св. Ап. Павла, поставленная тамъ по повелѣнію папы Сикста V-го. На площади предъ

храмомъ Св. Петра высится обелискъ, привезенный въ Римъ изъ Египта императоромъ Калигулой. Знаменитая печальной памяти Тарпейская скала такъ со всѣхъ сторонъ загромождена современными постройками, что взглянуть на нее можно лишь изъ какого-то закоулка, куда и зайти никому не придется въ голову безъ специальныхъ указаній. Античные языческіе храмы получили, такъ сказать, христіанское крещеніе: маленькій, окруженный изящными мраморными колоннами, храмъ Весты напр: освященъ уже алтаремъ Пресв. Дѣвы Маріи; а величественный куполь пантеона, также сдѣлавшагося христіанскимъ храмомъ, какъ-бы вѣнчаетъ тѣсный союзъ классической древности съ эпохой новаго времени. Какъ одно изъ лучшихъ художественныхъ созданій античнаго міра, пантеонъ вполне достойно служитъ мѣстомъ упокоенія Рафаэля,—величайшаго художника міра новаго, а какъ сооруженію консула Агриппы, который былъ зятемъ перваго римскаго императора, ему суждено было вмѣстить въ себя останки и перваго короля Италіи. Одна изъ капеллъ пантеона устроена надъ гробницею „отца отечества“, короля Виктора Эмануэля II, и обильно украшена дорогими вѣнками, принесенными на могилу объединителя Италіи ея признательными сынами. Нѣтъ сомнѣній, что ни одинъ городъ въ мірѣ не можетъ сравниться съ Римомъ по обилію и разнообразію историческихъ памятниковъ; но, при всемъ томъ, когда вы впервые вѣзжаете въ него, онъ ничѣмъ васъ сразу не поражаетъ и представляется лишь обыкновеннымъ европейскимъ городомъ. Причина въ томъ, что его достопримѣчательности слишкомъ разнообразны, чтобы создать одно цѣлостное впечатлѣніе, и такъ разбросанны, что въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ затмѣваются подавляющею массою сооружений новаго города; ихъ развалины и мрачны и безмолвны, а новая жизнь кругомъ и бьетъ въ глаза и шумитъ, а потому понятно, что обычный поверхностный наблюдатель подчиняется тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя охватываютъ его съ большею силой.

Уличная жизнь Рима, въ общемъ представляющая всѣмъ знакомую западно-европейскую картину, имѣетъ и нѣкоторыя свои особенности. Прежде всего, невольно бросается въ глаза какое-то вѣчно—праздничное настроеніе, которое царитъ въ римскомъ населеніи. Не замѣтно почти никакихъ

проявленіи той серьезной дѣловитости, которую такъ обычно встрѣтить на улицахъ большаго города. Никто здѣсь нигде не торопится и совсѣмъ не видно тѣхъ озабоченныхъ дѣльцовъ, которые, ничего не замѣчая и толкая прохожихъ, сосредоточенно стремились-бы къ цѣли своего путешествія. Озабоченныя лица я видѣлъ только у тѣхъ лавочекъ, гдѣ выставляются счастливые помера лоттерейныхъ билетовъ, на которые пали выигрыши. Эта постоянная азартная игра составляетъ, какъ извѣстно, большое мѣсто въ жизни итальянскаго народа, но изъ корыстныхъ расчетовъ поддерживается близорукимъ правительствомъ, а слишкомъ серьезное отношеніе къ ней обитателей Рима, конечно, совсѣмъ не свидѣтельствуешь объ ихъ дѣловитости. Одинъ изъ нашихъ римскихъ знакомыхъ говорилъ мнѣ, что человѣка съ портфелемъ здѣсь не встрѣтишь; и дѣйствительно подобнаго персонажа мнѣ видѣть не пришлось. Какъ будто не существуетъ здѣсь ни конторъ, ни канцелярій, не производится „дѣлъ“ и не ищутся никакія „бумаги“. Плюзія еще болѣе поддерживается тѣмъ обстоятельствомъ, что, повидимому, никакихъ форменныхъ одеждъ, кромѣ военныхъ, въ Италіи нѣтъ, а потому не встрѣтишь ни чиновника, ни учащагося юношу, самая внѣшность которыхъ говорила-бы объ ихъ занятіяхъ. Всѣ здѣсь какъ-будто гуляютъ, безпечно поглядывая по сторонамъ на нарядную публику и на красиво убранныя окна магазиновъ, и этихъ гуляющихъ такое множество что на улицахъ цѣлый день царитъ необыкновенное оживленіе. Къ вечеру ежедневно, въ особенности на Корсо, при обильномъ освѣщеніи уличнаго и магазиннаго электричества, начинается такая толкотня, что движеніе экипажей по этой довольно узкой улицѣ становится почти невозможнымъ и потому само собою прекращается. Густая толпа гуляющихъ двумя встрѣчными полосами медленно двигается въ обѣ стороны, занимая и тротуары и всю ширину улицы. Множество кофейныхъ, ресторановъ и лавокъ, торгующихъ мѣстными красными и бѣлыми винами изъ Веллетри, Альбано, Фраскати, Марино и другихъ окрестностей Рима, биткомъ набиты посѣтителями, а модное Cafe Nazionale, раскинувшее десятки столиковъ не только въ своихъ обширныхъ залахъ, но и во всю длину своего широкаго тротуара, обыкновенно такъ переполнено, что съ трудомъ можно найти свободное

мѣстечко. Масса народа стремится ежедневно и на Янникульскій холмъ, чтобы прогуляться по тѣмнымъ аллеямъ виллы Корсини, гдѣ, на самой вершинѣ холма, возвышается грандіозная конная статуя Гарибальди, и съ площадки церкви S. Pietro in Montorio полюбоваться роскошнымъ видомъ. Чудная панорама дѣйствительно развертывается здѣсь предъ взоромъ наблюдателя. Почти весь Римъ у вашихъ ногъ; со всѣхъ его холмовъ смотрятъ на васъ и его древности и его святыни, видите вы и капитолій, и коллизей, и дворцы палатина, и термы Каракаллы и куполь паптеона; любуетесь и храмомъ Св. Петра, и базиликами S. Giovanni и S. Maria Maggiore; зеленѣютъ предъ вами сады Пинчіо и виллы Боргезе; виднѣются даже далекія окрестности города, какъ Фраскати и Кастель-Гандольфо, а тамъ на горизонтѣ, въ голубоватой дымкѣ тумана, тянется живописная полоса Аппенинскихъ горъ, составляющая какъ-бы дорогую раму великолѣпной картины. Не разъ и не одинъ часъ можно простоять предъ этой картиной, облокотясь на балюстраду площадки, и нѣсколько не удивительно, что толпы римлянъ ежедневно устремляются сюда на прогулку. Одно только нѣсколько разочаровало меня въ величественной панорамѣ: храмъ Св. Петра, несмотря на свои колоссальные размѣры, совсѣмъ не занимаетъ въ ней подобающаго ему мѣста. Его мрачный куполь какъ-то теряется въ ряду другихъ, сходныхъ съ нимъ по архитектурѣ; а благодаря разности разстоянія, нѣкоторые изъ ближайшихъ къ зрителю храмовъ представляются нѣсколько не уступающими ему даже и по величинѣ. Нашъ храмъ Христа-Спасителя, быть можетъ въ особенности благодаря превосходной позолотѣ своихъ главъ, гораздо болѣе царитъ надъ Москвою, чѣмъ храмъ свят. Петра въ панорамѣ Рима. Самая оживленная и самая модная прогулка въ Римѣ—monte Pincio. Въ началѣ настоящаго столѣтія этотъ холмъ былъ еще совсѣмъ безлюдномъ мѣстомъ, почти сплошь покрытымъ виноградниками, и только Наполеонъ I, въ качествѣ короля Италіи, обратилъ на него особенное вниманіе. По планамъ французскаго архитектора Валадье, раскинулся здѣсь красивый паркъ съ широкими проѣздными аллеями и дорожками для гуляющихъ, а склонъ холма на piazza del popolo, въ которую упирается сѣверный конецъ Корсо, обдѣланъ красивою террасой, гдѣ устроенъ подъемъ для

экспонажей и лѣстницы для пѣшеходовъ, изящно декорированныя статуями и растеніями. При закатѣ солнца, когда, по установившемуся обычаю, здѣсь царитъ наибольшее оживленіе, Пинчіо представляетъ собою весьма живописную и разнообразную картину. Съ площадки террасы открывается одинъ изъ лучшихъ видовъ на Римъ. Прямо предъ вашимъ взоромъ широкою полосою волнуется Тибръ, а на той сторонѣ, за мостомъ Маргариты, разстилаются „prati di Castello“, нѣкогда дѣйствительно обширными луговинами окружавшіе замокъ Св. Ангела, а теперь уже представляющіе собою смѣло раскинувшуюся, сплошь застроенную новую часть города съ прямыми и широкими линіями улицъ, окаймленныхъ многоэтажными зданіями, къ сожалѣнію, нѣрѣдко пустыми или заброшенными на половинѣ постройки. Въ названіяхъ площадей и улицъ, наперекоръ всякой хронологіи, капризно стоятъ здѣсь рядомъ имена Юлія Цезаря, Помпея, Гракховъ, Кола Ріэнзи, Боэція, Кассіодора, Висконти и Кавура. Здѣсь сказалась національная гордость нѣкогда великаго народа, поминавшаго своихъ героевъ, но самая судьба новаго, широко-задуманнаго квартала была для этой гордости тяжелымъ оскорбленіемъ. Объединенная Италія лихорадочно торопилась расширять и застраивать свой столичный городъ въ полной увѣренности, что милліонное населеніе непременно будетъ его удѣломъ, а теперь загромажденные гнѣющими лѣсами недоконченныя и заброшенныя постройки ясно свидѣтельствуютъ о постигшемъ ее разочарованіи. Съ площадки Пинчіо вы, конечно, не замѣчаете этихъ печальныхъ подробностей и при эффектныхъ переливахъ солнечнаго заката любуетесь лишь широко-раскинувшейся панорамой съ монументальными дворцами, зеленою вильей и куполами храмовъ. Величаво высятся предъ вами замокъ Св. Ангела, дворцы Ватикана и храмъ Св. Петра, толпятся другъ за другомъ квиринальскій, capitoлийскій, палатинскій и авентинскій холмы; а въ дали, вѣнчающей вершину яникула, на синемъ фонѣ горизонта ясно вырисовывается силуэтъ всадника—Гарибальди. Внизу у вашихъ ногъ правильнымъ кругомъ разстилается piazza del popolo: на ней, у подножія террасы Пинчіо,—красивая группа фонтана, изображающая Нептуна, тритоновъ и дельфиновъ, посреди—красный, гранитный обелискъ, еще Августомъ привезенный изъ Египта

а съ обѣихъ сторонъ—три изящной архитектуры храма, два изъ которыхъ вѣнчаютъ собою начало улицы Корсо, и ведущія за городъ ворота „del popolo“, внутренняя сторона коихъ украшена по рисункамъ Бернини. Благодаря тому, что Пинчю расположенъ на самой сѣверной окраинѣ города, и не превосходить другіе холмы своею высотой, открывающіеся съ его террасы видъ далеко не обнимаетъ всего Рима, но особенное преимущество и прелесть этого холма въ его разнообразіи и въ тѣхъ контрастахъ, какими любуетея зритель на его вершинѣ. Когда вы стоите еще на площадкѣ террасы и ваша мысль, поверхъ обелиска, мавзолея и ватикана, невольно уносится въ воспоминанія прошедшихъ судебъ вѣчнаго города, у вашихъ ногъ ряды экипажей и пѣшеходовъ шумно и весело поднимаются уже съ piazza del popolo на свою излюбленную прогулку. Оглянитесь только назадъ, сдѣлайте лишь два-три шага, и васъ тотчасъ-же захлестнетъ игривою волной бойкой современной жизни. По аллеямъ парка изящные фаэтоны и ландо на великолѣпныхъ рысакахъ тянутся нескончаемою вереницей; картинно развалившіяся на ихъ подушкахъ красавицы щеголяютъ своими дорогими нарядами; пестрая, праздничная толпа пѣшеходовъ разныхъ національностей и состояній медленно двигается по дорожкамъ и переполняетъ всѣ стулья и скамейки, въ обиліи разставленныя подъ тѣнью деревьевъ; въ павильонѣ гремитъ оркестръ военной музыки, то тамъ то здѣсь журчатъ струи фонтановъ; гудитъ веселый говоръ гуляющихъ, а надъ всѣмъ этимъ склонившись, тихо покачиваетъ своими вѣтвями роскошная южная флора. Но стоитъ лишь вамъ переплыть, правда не безъ нѣкотораго труда, этотъ широкій народный потокъ,—пересѣчь прямо поперекъ эти шумныя аллеи, и на томъ-же Пинчю предъ вами разворачивается совсѣмъ иная картина. Тихо здѣсь и безлюдно; совсѣмъ не слышенъ шумъ оставшейся позади васъ толпы и рѣдко кто изъ гуляющихъ заходитъ сюда на пустынные дорожки. Стоите вы надъ громаднымъ вертикальнымъ обрывомъ, подошву котораго составляетъ старинная городская стѣна, идущая кругомъ всего Рима. Невольно становитея какъ-то жутко на страшной головокружительной высотѣ, а тутъ еще вамъ говорятъ, что это излюбленное мѣсто самоубійць, однимъ послѣднимъ роковымъ шагомъ перѣдко оканчивающихъ здѣсь свои расчеты съ

неудавшейся жизнию. Внизу обрыва, болѣе чѣмъ на шесть квадратныхъ верстѣ широко раскинулась великолѣпная вилла Боргезе съ ея кристальными фонтанами, изумрудными луговинами, казино, статуями и фонтанами и могучею растительностію рощъ и аллей. Со стороны красоты природы эта вилла составляетъ лучшее украшеніе Рима, а потому ея населеніе издавна дорожитъ ею и гордится. До послѣднихъ времени ея владѣли потомки той самой фамиліи, имя которой она носитъ, но и сами владѣльцы считали свою виллу до нѣкоторой степени общественнымъ достояніемъ, открывая въ нее для публики свободный входъ. Говорятъ, что когда одинъ изъ владѣльцевъ задумалъ запереть ее, народъ угрожалъ ему выломать заборы и ворота. Въ недавнее время виллу хотѣлъ купить одинъ англичанинъ; но покупка не состоялась, такъ какъ городское управленіе требовало, чтобы и новому владѣльцу поставлено было непремѣннымъ условіемъ въ назначенные дни и часы допускать на виллу свободный входъ. Въ 1897 г. самъ городъ Римъ совершилъ наконецъ эту покупку за три милліона франковъ и знаменитая вилла Боргезе стала такимъ образомъ общественнымъ достояніемъ. Чудный видъ представляетъ эта вилла, когда подъ лучами солнца ея роскошная зелень играетъ разнообразными тонами, и сѣверному человѣку долго не хочется уходить съ обрыва, чтобы какъ можно больше насладиться, составляющею для него роскошь, картиною южной природы. Тѣмъ мнѣ въ особенности понравился Пинчіо, что можно въ одно и то-же время созерцать на немъ и таинственное величіе многовѣковаго города, и шумную роскошь современности, и мирную красоту природы. А римская толпа, между тѣмъ, все шумитъ и волнуется, чему-то все празднуетъ—и не видится ни начала ни конца ея праздничному настроенію.

Шумитъ-же она не по нашему. Горячій темпераментъ южнаго человѣка ясно даетъ себя чувствовать на улицахъ Рима. Итальянецъ громко и порывисто выражаетъ все свои чувства. Повидимому, онъ совсѣмъ не въ состояніи тихо вести даже самый обыкновенный разговоръ. Если случайно встрѣтятся на улицѣ два пріятели, а въ особенности пріятелиницы, они такъ усиленно жестикуютъ и непременно поднимутъ такой ужасный крикъ, что непривычному чело-

вѣку тотчасъ-же чудится близость скандала и полицейскаго вмѣшательства. На самомъ-же дѣлѣ это только мирная, дружеская бесѣда. За нѣсколько станцій до Генуи, въ наше купэ шумно ворвались три молодыхъ итальянца въ галантерейныхъ костюмахъ и въ отчаянно-разноцвѣтныхъ галстукахъ. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ и охранялъ какъ святыню большой букетъ живыхъ цвѣтовъ, предназначавшійся какой-то Терезѣ. Вы не можете себѣ представить, какой необычайный гвалтъ подняли эти жизнерадостные юноши въ нашемъ вагонномъ затишьѣ. Ожесточенная мимика и жестикуляція, несмолкаемый потокъ словъ, шутки и раскаты смѣха и все это fortissime, на самыхъ высокихъ тонахъ и въ самомъ отчаянномъ темпѣ. На нашу бѣду, когда мы уже въѣзжали въ городъ, резиденція счастливой Терезы оказалась въ самой близи желѣзнодорожнаго пути. Въ нѣсколько секундъ ея страстный поклонникъ, по ногамъ и колѣнамъ пассажировъ, перенесся къ окну купэ и, размахивая букетомъ, уже, что было мочи, оралъ: „Террр...е...зза! Террр...е...зза!“ У сосѣдей трещало въ ушахъ, какая-то англичанка безпомощно металась въ своемъ углу, и, будь это въ Россіи, пожалуй не обошлось-бы безъ протокола. А зрители-итальянцы въ такихъ случаяхъ лишь мило улыбаются, потому что при подобныхъ обстоятельствахъ они, конечно, и сами произвели бы точно такой-же дебошъ. Когда итальянецъ въ веселой компаніи, онъ ужасно кричитъ; а когда въ одиночествѣ, онъ или поетъ, или отчаянно свистеть. Ни въ одномъ изъ городовъ западной Европы не приходилось мнѣ слышать такого рѣзкаго, пронзительнаго свиста, какой постоянно, то тамъ то здѣсь, то съ мотивами то безъ мотивовъ, разносится по улицамъ Рима. Привычка эта такъ сильна, что однажды на моихъ глазахъ, во время богослуженія великаго четверга, какой-то, вошедшій въ храмъ, господинъ совсѣмъ-было разразился игривою методіей: ужъ въ трубочку сложились его губы, ужъ послышалась первая нотка, какъ вдругъ онъ спохватился и, конфузливо вспыхнувъ, проглотилъ свою нецерковную музыку. Пылкому южанину какъ-будто трудно обойтись безъ какихъ либо рѣзкихъ звуковъ, или движеній, а если не можетъ не шумѣть всякій простой обыватель, проходя или проѣзжая по улицѣ, то, конечно, ужъ до хрипоты кричитъ тотъ, кому это полагается

по самой профессіи. Пальму первенства въ этомъ случаѣ нужно, безъ сомнѣнія, отдать римскимъ газетчикамъ. До сихъ поръ стоять у меня въ ушахъ ожесточенныя клики „Три...ббу...на!“, „экко л' Аванти!“, потому что каждый день, и утромъ и вечеромъ, по сотнѣ разъ слушалъ я, какъ неслись они по всѣмъ перекресткамъ и въ растворенныя окна нашей квартиры. — Народъ въ Римѣ, какъ и вездѣ, большой охотникъ до зрѣлищъ; изъ нихъ самое для него доступное, а быть можетъ потому и самое любимое, — это фейерверкъ (girandola), значительную часть котораго можно, конечно, видѣть и не внося платы за входъ туда, гдѣ онъ устроится. Мѣстомъ такихъ зрѣлищъ служить обыкновенно Пинчіо и коллизей. Не странно-ли и не кощунство-ли, что памятникъ столь великаго историческаго значенія превращается въ мѣсто публичной потѣхи, что его мрачныя аркады освѣщаются разноцвѣтными бенгальскими огнями, а на той аренѣ, которая обильно орошалась нѣкогда священной кровію мучениковъ за вѣру Христову, гремитъ оркестръ, вертятся и трещатъ огненныя колеса и ракеты?! На святое мѣсто коллизей не къ такимъ-бы потѣхамъ должны были призывать аршинныя афиши, расклеиваемыя по улицамъ Рима, а къ покаянiю и горячей молитвѣ. Но римлянинъ такъ освоился съ своими многочисленными святынями, что онѣ какъ-то мало наводятъ его на размышленіе; а его артистическая натура не могла удержаться отъ искушенія насладиться тѣми блестящими свѣтовыми эффектами, какіе получаются отъ пиротехническихъ затѣй въ развалинахъ древняго колосса. Въ дни подобныхъ усиленныхъ народныхъ сборищъ толкотня и шумъ на улицахъ Рима достигаютъ, конечно, послѣдней степени и нужно лишь удивляться, какъ вагоны трамвая, безпрерывно снующіе съ горы на гору по крайне-узкимъ улицамъ и крутымъ поворотамъ, не оставляютъ за собою кровавыхъ жертвъ.—Особенно чистотой Римъ похвастаться не можетъ и въ этомъ отношеніи на новопріѣзжаго иностранца онъ производитъ не совсѣмъ благоприятное впечатлѣніе; но въ моихъ глазахъ его репутация сильно поднялась послѣ того, какъ пришлось мнѣ побывать въ Неаполь. Воспѣвать красоты столицы южной Италіи для путешественника считается какъ бы нѣкоторою обязанностію и во всѣхъ путеводителяхъ приводится ита-

льянская поговорка, что увидѣвши Неаполь можно и умереть; но мнѣ думается, что дѣйствительно не мало шансовъ на преждевременную кончину представляется тому, кто пожелать-бы на долгое время остановиться въ этомъ мѣстѣ. Грязище этого города мнѣ встрѣчать не приходилось. Большая часть его улицъ метутся, повидимому, или слишкомъ рѣдко, или до крайности небрежно, такъ какъ пыль и всякаго рода соръ даже на самыхъ видныхъ и людныхъ мѣстахъ спокойно лежатъ цѣлыми кучами. Между тѣмъ, въ жаркіе дни нашего тамъ пребыванія на главныхъ улицахъ и площадяхъ аккуратно каждое утро пожарными рукавами изъ водопроводныхъ крановъ производилась усиленная поливка. Благодаря такому приему, сорныя кучи ежедневно разводились водою и примачивались къ улицѣ, чтобы потомъ просохнуть и съ прибавкомъ сора, накопившагося за слѣдующій день, ожидать новой поливки. Въ большинствѣ узкихъ проулковъ, а въ особенности на набережной и проѣздахъ торговой пристани, вмѣстѣ съ пылью и соромъ валяются остатки плодовъ, рыбы и т. пд. гнѣющие отбросы, отравляющіе воздухъ своимъ зловоніемъ. Правда, лучшая часть набережной, гдѣ красуются роскошныя отели и откуда иностранцы любятъ лазорью неаполитанскаго залива, не страдаетъ ни грязью, ни зловоніемъ, но здѣсь другая бѣда: по шоссеванному полотну проѣзда носятся ужасающіе ураганы песка и пыли и никакихъ слѣдовъ борьбы съ этимъ неудобствомъ, при насъ по крайней мѣрѣ, не было видно. Замѣьте еще, что именно въ эти дни Неаполь встрѣчалъ у себя короля и королеву, на рейдѣ грома пальба броненосной эскадры, къ вечеру по всему городу зажглась иллюминація и устроенъ былъ роскошный фейерверкъ. Предъ прїѣздомъ высокихъ гостей повсюду расклеены были печатныя воззванія, въ которыхъ городской голова призывалъ гражданъ Неаполя выразить свои патріотическія чувства достойною встрѣчей своего монарха; но привести городъ въ болѣе или менѣе чистый и приличный видъ, никому, очевидно, не казалось нужнымъ даже и ради такого экстреннаго случая. Все оставалось въ обычномъ видѣ и стояло лишь сверцуть съ переполненной гуляющими и блестяще иллюминированной газовыми арками главной улицы „di Toledo“ въ первый попавшійся переулокъ, чтобы тотчасъ-же очу-

тятся въ области грязи и зловонія, а на стѣдующій день мы сами были свидѣтелями, какъ Гумбертъ и Маргарита въ открытомъ шарабанѣ проѣзжали по набережной, сопровождаемые восторженно-встрѣчавшей ихъ толпою народа и... ужасающими клубами пыли, которой и при ихъ пріѣздѣ предоставлена была полная свобода. Прибавьте, наконецъ, къ этому еще стада козъ, которыя цѣлыми десятками и дюжинами путешествуютъ по улицамъ, лежатъ на тротуарахъ и даже могутъ вамъ встрѣтиться на лѣстницѣ второго этажа, когда вы возвращаетесь откуда нибудь въ свою квартиру. Здѣсь очень сильно распространено употребленіе козьего молока. Пастухъ, или пастушка, предлагаетъ свою козу всякому желающему и надоть вамъ стаканъ тутъ-же на вашихъ глазахъ. Многие абонируются на постоянную доставку молока на домъ и вотъ въ этихъ-то случаяхъ привычная коза, вмѣстѣ съ своимъ пастыремъ, ловко взбѣгаетъ по лѣстницамъ домовъ до какого угодно этажа. Все это очень оригинально, но, конечно, далеко не способствуетъ чистотѣ и благоустройству города, такъ какъ животныя въ своемъ поведеніи никакими обязательными постановленіями не руководствуются. Понятно, что когда, послѣ всѣхъ подобныхъ неаполитанскихъ прелестей, я снова вернулся въ Римъ, онъ уже показался мнѣ совсѣмъ оупятнымъ. Есть, впрочемъ, въ благоустройствѣ Рима одинъ пунктъ, свидѣтельствующій, правда, о его стремленіи къ чистоплотности, но такой, которой, пожалуй, лучше если бы не было. Я разумѣю чрезмѣрное обиліе тихихъ пристанищъ, устроенныхъ притомъ съ такою возмутительною откровенностію, къ которой чтобы привыкнуть, нужно, мнѣ кажется, родиться въ Римѣ. Даже величественная колоннада храма Св. Петра не избавилась отъ поруганія нѣсколькими подобными учрежденіями. Въ этомъ случаѣ я пожалѣлъ даже и о порядкахъ Неаполя.

Не знаю, какъ всегда: но при мнѣ, быть можетъ по случаю пасхи и юбилейнаго года, множество иностранцевъ наполняло Римъ, что придавало его уличной жизни нѣсколько своеобразный оттѣнокъ. Повсюду слышится то ангаійская, то нѣмецкая рѣчь: почти предъ каждою достопримѣчательностію святыни или древности вы видите фигуры остановившихся прохожихъ, сосредоточившихъ свое вниманіе на

предметъ осмотра, или углубившихся въ красныя книжки своихъ путеводителей. На развалинахъ, въ храмахъ и музеяхъ, на прогулкахъ и въ ресторанахъ, вездѣ вы постоянно встрѣчаете тѣхъ-же иностранцевъ и въ одиночку и цѣлыми толпами. На каждаго изъ нихъ мѣстное торгово-промышленное населеніе смотритъ съ нѣкоторымъ вождедѣніемъ, какъ на вѣрный источникъ своего дохода. Его завлекаютъ въ магазины, къ нему пристають извозчики и чистильщики обуви, его одолеваятъ уличные продавцы всевозможныхъ предметовъ, предъ нимъ усиленно трясеть своей кружкой клирикъ, сидящій при входѣ въ церковь, съ него желаютъ получить и гидъ и сторожъ, отпирающій ему двери, или показывающій ему какую-либо достопримѣчательность. На окнахъ магазинововъ повсюду выставлены особыя объявленія: „on parle francais“, „man spricht deutsch“ или „english spoken“. Самое содержаніе многихъ магазинововъ разсчитано прямо на пріѣзжихъ. Множество перстней, брошей, портъ-сигаровъ, прессъ-папье, пепельницъ и пр., золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ, мозаическихъ и тид. издѣлій украшены изображеніями какихъ-либо римскихъ достопримѣчательностей, или надписями: „ricordo di Roma“ и тид. Цѣлыя витрины наполнены альбомами и фотографіями римскихъ видовъ, снимками съ знаменитыхъ картинъ, или моделями статуй. Есть специальный рядъ магазинововъ древностей, гдѣ вы видите какіе-то страшныя формы свѣтильники и канделябры, грязныя и заржавѣвшіе, вазы, кувшины и горшки, обломки статуй, или обрывки ожерельевъ, и тд. Хозяева этихъ магазинововъ тутъ-же постоянно и работаютъ надъ своими рѣдкостями, приводя ихъ въ приличный видъ, а, быть можетъ и просто фабрикаюя вновь, чтобы спустить неопытному любителю. Вблизи храма Св. Петра тянется цѣлый рядъ лавокъ съ вывѣсками: „oggetti di pietá“, т. е. предметы благочестія. Здѣсь продаются статуэтки, въ особенности Мадонны и Св. Апостола Петра, а также папы Льва XIII-го, виды и рисунки религіознаго содержанія, назидательныя книжки, четки, крестики и прочіе подобнаго-же рода вещи, усердно покупаемая набожными паломниками. Все здѣсь разсчитано на карманъ пріѣзжаго и главнымъ образомъ щедраго и непрактичнаго иностранца. Если вы идете по улицѣ, почти ни одинъ извозчикъ не пропуститъ васъ безъ предложенія сво-

ихъ услугъ. Къ счастію, приѣмъ, употребляемый ими при этомъ, очень скромнъ и мало беспокоитъ прохожаго. Все ограничивается лишь тѣмъ, что, сидя на козлахъ своего экипажа, веттурино показываетъ вамъ поднятый кверху указательный палецъ. Немножко смѣшно становится, когда отовсюду кажутъ тебѣ эти пальцы, но за то не безпокойно, такъ какъ можешь не глядѣть на нихъ и идти своею дорогою. Иное дѣло въ Неаполѣ. Здѣсь извозчики гораздо энергичнѣе добиваются своихъ цѣлей: они, когда вы идете по улицѣ, своими экипажами пересѣкаютъ вамъ дорогу; а когда вы на тротуарѣ, изо всей силы хлопаютъ своими бичами надъ самымъ вашимъ ухомъ, насильно заставляя васъ такимъ образомъ обратить на нихъ свое вниманіе. Но всего больше пришлось намъ потерпѣть въ Тиволи, куда мы ѣздили изъ Рима на цѣлый день насладиться его живописными садами и гротами и полюбоваться его чудными водопадами. Здѣсь послѣ цѣлой облавы, выдержанной нами отъ извозчиковъ по выходѣ изъ вагона, одинъ изъ нихъ преслѣдовалъ насъ на протяженіи болѣе версты, отчаянно хлопая бичемъ и неутомимо расписывая намъ все прелести, удобства и дешевизну поѣздки на „grande cascata“ и „piccolo cascata“: онъ даже соскочилъ наконецъ со своихъ козелъ и прямо надъ ухомъ продолжалъ свои несносныя навязыванія. Послѣ всего подобнаго, наши російскіе веттурино кажутся мнѣ совѣтъ скромниками. Но своей назойливости смѣло могутъ поспорить съ извозчиками продавцы разныхъ мелочей, во множествѣ толкущіяся на площадяхъ и перекресткахъ и въ особенности у входовъ въ храмы, наиболѣе посѣщаемые иностранцами. Съ обычными причитаніями, свою корзину или маленькій деревянный ящикъ, наполненный фотографіями, иллюстрированными открытыми письмами и мелкими издѣліями изъ коралловъ и мозаики, уличный торговецъ протягиваетъ прямо къ вашему лицу. Хотя бы вы и рѣшительно заявили свое нежеланіе покупать что-либо изъ его товаровъ, онъ настойчиво продолжаетъ васъ преслѣдовать съ своимъ ящикомъ, держа его предъ вашими глазами. Если вы, потерявъ терпѣніе, рѣзко повернетесь къ нему спиной, онъ, нимало не смущаясь, обойдетъ съ другой стороны и опять предъ вами все тотъ-же ящикъ; а въ это время какая нибудь цвѣточница уже безцеремонно суетъ вамъ бутоньерку

прямо въ руку, или въ боковой карманъ вашего пиджака. Весь этотъ надоблливый мелкій людъ живетъ главнымъ образомъ иностранцами, а потому они въ особенности и подвергаются его нападеніямъ. Изъ прїѣзжихъ иностранцевъ въ Римѣ всего болѣе англичанъ и нѣмцевъ; ихъ такая масса, что въ наиболѣе бойкихъ мѣстахъ Римъ, по раздающейся всюду, разноязычной рѣчи, можно даже и не счесть городомъ Италіи,—это какой-то курортъ, совершенно международнаго характера. Французовъ и русскихъ сравнительно очень мало; русскій разговоръ слышится рѣдко и только въ одномъ магазинѣ на Корсо встрѣтилъ я объявленіе: „здѣсь говорятъ по русски“. Царятъ вездѣ, конечно, англичане, благодаря своей многочисленности и обилію всегда имѣющихся въ ихъ распоряженіи стерлинговъ. За большія деньги имъ большой и почетъ; но по поводу трансваальской войны сочувствіе итальянскаго народа явно склоняется на сторону буровъ. Однажды мы выходили изъ полнаго вагона трамвая, пришедшаго къ своему конечному пункту на площади S. Silvestro; среди насъ было и нѣсколько англичанъ и англичанокъ. У площадки вагона встрѣчаль насъ газетчикъ, громко и съ торжествующимъ видомъ выкрикивая: „grande vittoria di Boeri!“ (Большая побѣда буровъ!) Листки брались на расхватъ, въ публикѣ слышались сочувственныя, радостныя восклицанія и, я думаю, не особенно пріятно было видѣть это нашимъ англичанамъ. Нужно, впрочемъ, отдать честь ихъ самообладанію: они, что называется, глазомъ не моргнули и ничѣмъ не выразили своего огорченія. Замѣчательно сильно развито у этого народа сознаніе собственнаго достоинства. Гдѣ-бы и при какихъ-бы обстоятельствахъ вы ни встрѣтили англичанина, онъ всегда такъ высоко и гордо несетъ свою голову, что какъ будто лучше и выше его нѣтъ никого на свѣтѣ. Ко всѣмъ другимъ онъ относится часто съ какимъ-то оскорбительнымъ пренебреженіемъ, не обращая вниманія ни на ихъ удобства, ни на ихъ спокойствіе. Никто такъ безцеремонно не держитъ себя въ публичныхъ мѣстахъ, какъ именно англичане. Если вы встрѣтите ихъ компанію въ какомъ-либо музеѣ, не удивляйтесь, если они станутъ громко разговаривать и смѣяться, или расположатся къ вамъ спиною, загородивъ ту картину, которую вы разсматриваете. Если займутъ они столъ въ ресторанѣ,

то тотчасъ-же совершенно забудуть, что они не дома и начинают вести себя такъ, какъ будто здѣсь никого, кромѣ ихъ, не существуетъ. Всѣ ихъ рѣчи и дѣйствія ясно говорятъ вамъ, что Англія выше всего и все остальное должно предъ нею преклоняться. Налюбовавшись лазоревымъ гротомъ острова Капри, возвращались мы по заливу назадъ въ Неаполь. На одномъ изъ диванчиковъ палубы бесѣдовали мы съ какою-то весьма симпатичною русскою четой, знакомство съ которой случайно завязалось у насъ во время поѣздки. Между тѣмъ, четверо странствующихъ итальянскихъ артистовъ со скрипками и кларнетомъ утѣшали публику своею музыкой, прохаживаясь, конечно, при этомъ и со шляпой. Услыхавъ нашъ русскій разговоръ, дирижеръ летучаго оркестра вдругъ обращается къ своимъ товарищамъ съ громкимъ приказомъ: „ну, нѣмношка на русски!“ и тотчасъ-же, подъ ихъ аккомпаниментъ, начинаетъ, не блестящимъ, конечно, но весьма приличнымъ баритономъ: „Ія вассъ люлю и ви пафэрртэ“.... За романсомъ послѣдоваль, уже безъ пѣнія, „стрѣлочекъ“ и наконецъ нашъ народный гимнъ. Все это было для насъ весьма пріятнымъ сюрпризомъ, и нашему русскому сердцу въ высшей степени отраднo было слышать, какъ дорогіе звуки гимна неслись надъ волнами неаполитанскаго залива. Но не могла равнодушно вынести эту случайную руссофильскую демонстрацію одна англичанка, стоявшая вблизи насъ, прислонившись къ борту парохода; она тотчасъ-же подозвала къ себѣ дирижера и заказала ему англійскій гимнъ. Желаніе ея, конечно, немедленно было исполнено, такъ какъ репертуаръ этого профессионально-международнаго оркестра за приличное вознагражденіе могъ, очевидно, удовлетворить требованіямъ какой угодно національности.—Недѣли черезъ двѣ послѣ того, будучи въ Люцернѣ, осматривали мы такъ называемый „глетчергартевъ“. Въ устроенномъ тамъ образцовомъ альпійскомъ домикѣ лежитъ большая раскрытая книга, приглашающая посѣтителей записать въ ней свое имя, званіе, національность и, если угодно, сдѣлать въ особой графѣ свои замѣчанія, занести какія-либо впечатлѣнія, или наблюденія. Непосредственно впереди насъ шла большая компанія англичанъ, отъ которой отсталъ одинъ молодой джентльменъ и серьезно сосредоточился надъ книгой. Но его уходъ я по-

любопытствовать взглянуть на результатъ его размышленій и въ особой графѣ увидать написанныя имъ слова: „England is England“. (Англія есть Англія). Не знаю, что онъ хотѣлъ выразить этими словами; но правда ихъ, мнѣ думается, въ томъ, что дѣйствительно англичанинъ всегда и вездѣ остается, сознаетъ и чувствуетъ себя англичаниномъ и въ этомъ его большая сила.

Даже и въ сторонѣ отъ ватикана или грандіозныхъ римскихъ храмовъ вы никогда не можете забыть, что находитесь въ міровой столицѣ римско-католической церкви. Объ этомъ постоянно будетъ напоминать вамъ на каждомъ шагу встрѣчающаяся типичная фигура съ гладко-выбритымъ лицомъ, въ длинной черной сутанѣ, въ низкой плюшевой шляпѣ съ широкими, по краямъ загнутыми вверхъ полями, въ черныхъ чулкахъ и туфляхъ, застегнутыхъ на подъемѣ бѣлою пряжкой. Въ Римѣ эта фигура католическаго патера повсюду составляетъ, можно сказать, необходимую принадлежность. Патеръ встрѣчается вамъ, въ качествѣ туриста, на развалинахъ и въ музеяхъ съ книжкой Бедекера въ рукахъ; патеръ разсматриваетъ витрины магазиновъ, патеръ мчится развалившись въ парной коляскѣ по Корсо; патеръ скромно сидитъ и въ вагонѣ трамвая, уткнувшись въ свой молитвенникъ; патеръ обѣдаетъ за столомъ и первокласснаго и второстепеннаго ресторана, патеръ гуляетъ на музыкѣ Пинчіо, остроумно болтая съ знакомыми дамами; патеръ поддерживаетъ и веселую компанію винной лавочки за литромъ Альбано или Фраскати. Однимъ словомъ, вездѣ у васъ на глазахъ этотъ патеръ; но еще далеко не имъ однимъ представлена въ Римѣ армія папы. Постоянно встрѣчаете вы и разнообразныя фигуры монаховъ, а особенно часто въ ихъ числѣ капуциновъ, въ коричневыхъ грубаго сукна рясахъ, поверхъ бѣлыхъ полотняныхъ хитоновъ, съ большими клоками на спинѣ, подпоясанныхъ толстой веревкой, босикомъ, съ четками въ рукахъ, съ бородами и съ непокрытыми, своеобразно остриженными головами. Встрѣчаете монахинь въ живописныхъ бѣлыхъ костюмахъ и пелеринахъ, съ большими черными распятіями, привѣшенными къ поясу, и въ оригинальныхъ головныхъ уборахъ, далеко выступающихъ впередъ кругомъ лица, на подобіе тѣхъ капоровъ, которые носились и некогда нашими институтками. Встрѣчаете вы, наконецъ, и

цѣлыя толпы шутомцевъ разныхъ католическихъ семинарій и коллегій. Эти мальчишки и юноши одѣты совсѣмъ какъ патеры,—въ такихъ-же длинныхъ сутанахъ и широкополыхъ шляхахъ, такъ что даже какъ-то странно видѣть иногда маленькаго патерчика, лѣтъ двѣнадцати или четырнадцати, представляющаго собою совершенно точную копію своего прототипа. Приходилось мнѣ впрочемъ часто встрѣчать на улицахъ Рима католическое духовное юношество и гораздо болѣе эффектной наружности, таковы напр: кроатскіе студенты изъ Загреба въ ярко-красныхъ сутанахъ, подпоясанныхъ темно-малиновою лентой съ длинными, спущенными на боку, концами. Католическіе семинаристы и студенты ходятъ по городу стройными вереницами, попарно, въ сопровожденіи кого-либо изъ своихъ надзирателей или наставниковъ. Наблюдая этихъ юношей, я невольно удивлялся царящей надъ ними дисциплинѣ, ихъ образцовому поведенію при богослуженіяхъ и ихъ замѣчательной, какъ видно совершенно искренней и пламенной набожности. Попробуйте-ка нашихъ студентовъ духовныхъ академій одѣть въ рясы и водить парами по улицамъ. Трудно даже и представить себѣ, какой отчаянный протестъ и какія серьезныя затрудненія встрѣтила-бы эта попытка. А католическій студентъ охотно подчиняется всему этому, потому что онъ дорожитъ своимъ духовнымъ званіемъ и гордится своею сутаной, какъ офицеръ своимъ мундиромъ. Гдѣ-же причина такой разности и почему римско-католическіе духовные студенты по своему настроенію такъ много отличаются отъ нашихъ? Мнѣ думается, что въ этомъ случаѣ прежде всего имѣетъ значеніе самое положеніе нашихъ духовныхъ школъ. Студенты нашихъ академій становятся „духовными“ юношами не потому не премѣнно, что чувствуютъ призваніе и стремятся посвятить себя на служеніе церкви, а прежде всего потому, что они дѣти лицъ духовныхъ. Конечно, бываетъ не мало въ ихъ средѣ и съ искреннимъ стремленіемъ къ духовному служенію; но очень многіе, если даже не большинство, отправляясь въ академію, совсѣмъ такого стремленія не чувствуютъ. По недостатку матеріальныхъ средствъ, родители вынуждены были воспитывать ихъ въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, а по окончаніи семинарскаго курса доступъ такому духовному юношѣ въ какія-либо свѣтскія высшія учебныя

заведенія такъ затрудненъ, что становится почти совѣтъ невозможнымъ. Волей-неволей способный юноша идетъ въ академію и продолжаетъ до конца своего образовательнаго пути оставаться юношей „духовнымъ“, хотя часто совѣтъ не имѣетъ настроенія, соответствующаго этому наименованію. Понятно, что его и нельзя ставить въ сравненіе съ студентомъ римско-католическимъ, который избираетъ для себя церковное служеніе, какъ наиболѣе соответствующее его наклонностямъ, и готовится къ нему съ любовью и съ свойственнымъ юности увлеченіемъ. Такой юноша съ гордостью носитъ свою сутану и поидетъ въ ней, не смущаясь, куда угодно.—Ни въ одномъ городѣ міра не встрѣтите вы и такого количества высшихъ іерарховъ, какъ въ столицѣ римско-католической церкви. Болѣе тридцати кардиналовъ имѣютъ въ Римѣ свое постоянное мѣстопробываніе. Прибавьте къ этому еще сотни титулярныхъ епископовъ и прелатовъ, занимающихъ здѣсь разныя должности, или служащихъ членами многихъ коллегіальныхъ церковныхъ учрежденій, а также временно находящихся въ Римѣ по какимъ-либо дѣламъ, или для поклоненія святынь. Всѣхъ этихъ іерарховъ вы также можете встрѣтить и въ храмахъ, и на улицахъ, и въ разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ Рима. Въ былое время, т. е. до уничтоженія свѣтской власти папы, встрѣча съ „князьями церкви“ и вообще съ высшими церковными сановниками представляла особенный интересъ, такъ какъ они постоянно носили роскошныя разноцвѣтныя одежды и окружали себя пышною обстановкой; но теперь эта пора уже миновала. Въ настоящее время пышность римско-католическихъ іерарховъ можно видѣть только при богослуженіяхъ, или какихъ-либо церковныхъ торжествахъ и церемоніяхъ; въ обыденной-же жизни они отличаются замѣчательною простотою и скромностію. Когда кардиналъ ѣдетъ по городу, вы видите лишь обыкновенную черную карету на парѣ вороныхъ лошадей, причемъ кучеръ и лакей на козлахъ обязательно также во всемъ черномъ. Самого „князя церкви“ въ глубинѣ кареты чрезвычайно рѣдко можно застать одѣтымъ въ его нарядную фіолетовую мантию; всегда онъ во всемъ черномъ, а на головѣ его вмѣсто пресловутой „красной кардинальской шапки“, простая черная шляпа обыкновеннаго патера, причемъ лишь тонкій, витой, красный съ золотомъ,

шнурокъ окружаетъ тую эту шляпу. Епископы и прелаты по своей внѣшности также очень мало разнятся отъ простыхъ патеровъ; все отличіе ихъ обычнаго чернаго костюма состоитъ въ томъ, что по низкому стоячему воротнику проходитъ тоненькій красный кантикъ, на верхней части груди виднѣются мелкія красныя пуговицы да шнурокъ на шляпѣ краснаго или фіолетоваго цвѣта. Кардиналы по крайней мѣрѣ въ каретахъ; а епископы очень часто путешествуютъ и пѣшкомъ, такъ что ихъ повсюду можно встрѣтить въ толпѣ народа, что для русскаго человѣка, привыкшаго къ непремѣнноторжественной обстановкѣ нашихъ іерарховъ, представляется совсѣмъ не обычнымъ. Однако какъ ни мало пышности и блеска придаютъ эти представители клира обыденной жизни Рима: но уже самая ихъ многочисленность и повсемѣстность сообщаютъ ей совершенно своеобразный оттѣнокъ, невольно бросающійся въ глаза всякому иностранцу. Тогдашъ, вы чувствуете, что здѣсь центръ католическаго міра, что здѣсь могучая, милліонами людей управляющая, духовная сила; но чтобы ближе познакомиться съ этою силой, нужно войти въ римскіе храмы, стать предъ ихъ святынями, всмотрѣться въ обряды и вслушаться въ звуки ихъ богослуженія, и смѣшаться съ толпою вѣрующихъ, когда они, преклоняя колѣна, изливаютъ здѣсь свою душу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Соколовъ.
